

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

№ 29

ОСТРОВИДОВА Е.Ю.

**Трансформация СССР:
предпосылки и перспективы
суверенизации бывших союзных
республик**

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

СЕРИЯ А

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна

Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.)

Н.А.Допуленко

М.Ю.Мартынова

С.С.Савоскул

ТРАНСФОРМАЦИЯ СССР: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СУВЕРЕНИЗАЦИИ БЫВШИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Мировое сообщество продолжает с большим вниманием следить за напряженными событиями в бывшем социалистическом мире. В декабре 1991 года прекратил свое существование СССР. Произошел распад и другого социалистического многонационального государственного образования – Югославии. Эти процессы сопровождались возрастающей напряженностью мирового сообщества, обеспокоенного как военными действиями в центре Европы, так и потенциальной угрозой коллапса ядерных сил в СССР.

Ситуация в бывшем СССР развивается стремительно. Это относится и к процессам суверенизации, которые стали политически оформляться в начале 90-х годов. Принцип суверенитета стал идеологической основой распада многонационального государства. Тем не менее практически ни одна из бывших советских (также, кстати, как и из отколовшихся югославских) республик не имела достаточно разработанной концепции суверенитета, в которой бы нашли отражение не только представления о содержании независимости, но и вопросы о том, как к этому новому состоянию переходить, как при этом развивать демократические процессы, как избежать коварных последствий такого перехода и т.д. (К объяснению этого, на первый взгляд, парадоксального явления вернемся ниже).

Реакция общественного мнения, включая международное, на процессы суверенизации была неоднозначной. Но все же преобладающим отношением к борьбе за суверенитет – особенно в начальный момент – была симпатия. Обретение республиками и народами независимости в массовом сознании ассоциировалось с победой сил демократии над консерватизмом. И хотя немало здравых голосов предупреждало, что обретение суверенитета не всегда означает победу над консервативным центром, а часто, наоборот, – возможность сохранения консервативных отношений на местах, уже не подчиненных центру, именно симпатия к борющимся за независимость народам представляется и до сих пор преобладающим под-

ходом к проблеме обретения республиками независимости.

Естественно задаться вопросом: в чем корни симпатий к "восставшим против Центра" народам? Размышляя, приходишь к простому выводу: борьба за суверенитет ассоциируется в общественном сознании с борьбой угнетенных против поработителей. Распространенным стал подход, однозначно трактующий господство более мощной и развитой метрополии над — в том или ином варианте — колониями как зло, а жертвы среди местного населения, поднятого группой националистически настроенных интеллектуалов на "борьбу за свободу", как героизм.

События в СССР в начале 90-х годов дали дополнительные аргументы в пользу такого подхода. После крушения "идеалов социализма" отечественная метрополия в виде Центра, замедлявшая реформирование страны, предстала как оплот консерватизма, как зло, с которым надо бороться, отстаивая принцип суверенитета. И опять же были для такого видения причины: был и консерватизм Центра, и нерешительность Горбачева, и некомпетентность его окружения, так и не сумевшего выиграть борьбу за "спокойные реформы".

Однако по мере развития процессов суверенизации стало ясно, что справедливая борьба за национальное возрождение имеет много негативных черт и трагических последствий. И вот уже общественное сознание начинает немного меняться: да, нам не нужен старый Союз, но какое-то новое образование сохранить надо. Однако, как показали последующие события, сделать это оказалось уже поздно. Кстати, то же самое произошло и в Югославии: то, что раньше предлагалось прежде всего Словенией, которую поддерживала Хорватия, а именно — конфедеративный союз с ограниченными функциями центральных органов — через некоторое время противоположная сторона (Сербия прежде всего) готова была принять, но время было уже упущено.

Для того, чтобы разобраться, как в дальнейшем могут развиваться процессы обретения республиками независимости, какие это может иметь международные последствия и т.д., надо сначала рассмотреть вопросы, связанные с истоками, предпосылками появления идеи и практики суверенизации в бывшем СССР.

Основы единства Союза ССР

Важной особенностью ситуации в СССР было то, что единство страны обеспечивалось не столько законом, сколько практикой вертикального подчинения в рамках партийной дисциплины. Возможность назначать сверху местное руководство обеспечивала жесткую привязку местной бюрократии к центральной. Наличие устоявшихся вертикальных структур связей позволяло Центру проводить в республиках в целом общую политическую линию.

В тех республиках, которые исторически и культурно были ближе к России (Украина, Белоруссия) стиль политической и административной жизни центра и республик совпадал. Там, где существовали свои сильные исторические и этнокультурные традиции (мусульманские республики), шла поверхностная адаптация местных властей к политической культуре Москвы. В прибалтийских республиках "выравнивание" административно-политической ситуации осуществлялось путем проведения активной политики расстановки центром своих кадров и переселения туда русскоязычного населения. Но общим выводом является то, что основой государственного единства СССР было единство централизованного партийно-бюрократического руководства страной. Именно оно заменило существовавшую до 1917 года царскую систему контроля Центра над российскими окраинами.

Экономической основой союза являлось плановое развитие СССР как единого хозяйственного комплекса с упором на создание крупных предприятий в рамках республиканского разделения труда. Военной основой — единые вооруженные силы, система охраны государственных границ и поддержания национальной безопасности, подчиненные центру.

Если продолжить сравнение с Югославией, то на первый взгляд ситуация в ней существенно отличалась. Здесь не было ярко выраженного центра, с точки зрения размера территории и численности населения югославские республики были примерно равновелики. Наконец, они ближе друг другу по историческому и культурному развитию. И все же основой единства югославских республик была та же партийно-бюрократическое руководство.

Правда, югославская система имела свои особенности, обусловленные спецификой социалистической самоуправленческой модели. После принятия Конституции 1974 г. и предшествовавших ей поправок в Югославии фактически был не один центр, а 6 — по количеству республик — что придавало стране черты конфедерации. В этом нашло отражение понимание югославскими лидерами принципов демократического устройства общества в противоположность советскому тоталитаризму. Но существовавшая система не ослабляла партийно-бюрократической монополии на власть, хотя именно так и была заложена "мина замедленного действия" под югославскую государственность.

С другой стороны, не будем забывать, что именно в стабильно-консервативной функции бюрократического аппарата заложена возможность сохранения в течение какого-то времени относительной экономической и политической сбалансированности, по которой неминуемо наносятся удары в периоды интенсивных реформ, то есть интенсивной ломки сложившихся общественных взаимосвязей и отношений.

Основания для суверенитета

Поскольку основой стабильности Союза ССР было наличие в стране единой на всей территории партийно-бюрократической системы контроля над общественной жизнью, то не удивительно, что с ее крушением, появлением плюрализма во взглядах и действиях, ослаблением центральной власти и введением демократических процедур волеизъявления данная основа была подорвана. В той или иной форме идея суверенитета республик стала распространяться и воплощаться в жизнь. Какие же для этого были основания?

А. Историко-географические

Надо отметить, что четкого набора таких основополагающих факторов, которые позволяют мировому сообществу признать то или иное государство независимым, не существует. Пожалуй, к их числу надо отнести единство территории, с компактным проживанием представителей данной национальности, наличие единого языка общения, собственный исторический путь. Но наличие данных факторов является лишь одной из предпосылок для постановки вопроса о суверенитете, но не для его решения.

С этой точки зрения все союзные республики в принципе имели основания ставить вопрос о суверенитете.

В. Социально-экономические

Наиболее действенным фактором, затрагивающим жизнь каждого человека и подталкивающим к постановке проблемы суверенитета, выступает плохое экономическое положение. В СССР, где Россия являлась доминирующей экономической и политической силой и основой для союзного разделения труда, достаточно жесткого и немобильного, собственные беды связывались в республиках прежде всего с плохой работой центра, с "несправедливым" разделением прав и ответственности в вопросах производства и распределения национального дохода. Во многом это верно, поскольку административная система действительно ставила хозяйственную жизнь на местах в жесткую зависимость от указаний центра.

Не случайно и то, что наибольшее стремление к отделению проявили именно наиболее развитые республики — прибалтийские, — чей уровень развития на 20-40% выше среднего по стране, и в 2-3 раза выше уровня развития наиболее отсталых республик (Таджикистана, Узбекистана). Понятно, что у более богатых было мало желания "тянуть" отстающих. Аналогии можно обнаружить и в Югославии, где Словения и Хорватия, превосходившие в несколько раз по уровню экономического развития и жизненному уровню отсталые республики, первыми объявили о стремлении к обретению независимости.

Таким образом, низкий уровень жизни, кризис в экономике являются одной из наиболее важных причин постановки вопроса о суверенитете.

Могут сказать, что за десятилетия совместного общежития сложились определенные структуры связей в экономике между республиками. При жестком разделении труда и монопольной стратегии производства нарушение, разрыв связей грозит остановкой предприятий, снижением производства, безработицей и т.д. И., действительно, на практике так и происходит.

Однако, если разобраться, то при мирном, основанном на

взаимных компромиссах, "разводе", в принципе должен происходить разрыв связей, основанных на старой командно-распределительной модели хозяйства. И причиной разрыва в этом случае является не суверенизация, а распад административной системы. Суверенизационные процессы только подталкивают эти тенденции, но не провоцируют их.

Отсюда, кстати, важный вывод: подписание каких-либо новых союзных договоров мало что дает, поскольку распад старой административной экономики уже не остановить, а для регулирования новой рыночной экономики нет самого главного — этой самой рыночной экономики и ее субъектов — частных производителей.

Часто указывают и на то обстоятельство, что в одиночку странам не пережить кризиса. Действительно, если исходить из сохранения административно-распределительной системы и считать, что Казахстан, например, получает из России столько-то и того-то и без этого пропадет, то это так. Но по-старому нормально функционирующей административной системы уже нет, а при нормальном рынке не Казахстан в лице административного аппарата, а сами торговцы и производители найдут что, где и как получать, изготавливать и продавать.

Но, повторяю, эти рассуждения справедливы лишь для мирного компромиссного варианта развития событий, что делает их в настоящее время больше теоретическими.

В. Конституционные

Провозгласив право наций на самоопределение вплоть до полного отделения и продемонстрировав миру "наивысший демократизм советской конституции", большевизм на практике создал политико-карательные препоны на пути реализации этой идеи. Поэтому в практическом плане ни для Сталина, ни для последующих лидеров проблема сохранения единства Союза не была актуальной: любой намек на использование конституционного права на отделение рассматривался как антисоциалистическая деятельность с вытекающими последствиями.

Однако — как и любое лицемерие — лицемерие конституцион-

ное заключало в себе опасную ловушку. Как только партийно-административный контроль над страной был ослаблен, создалась возможность использования конституционной предпосылки для постановки вопроса о суверенитете.

Г. Традиционный менталитет

Это основание также довольно существенно. Дело в том, что в традиционных обществах, к которым по своему уровню государственного развития принадлежал СССР (и Югославия), роль права, фактор правового сознания и правовой дисциплины действует очень слабо. Из истории русской философско-политической мысли прошлого — начала этого веков видно пренебрежительное отношение к праву. Различные политико-философские течения России — от славянофилов до социал-демократов — не признавали, в отличие от западноевропейской католическо-протестанской традиции, суверенитет права, ставя выше него суверенитет власти.

Этот подход только укрепился в период социалистического государства. Подчиненность правоохранительных органов не закону, а партии в принципе лишала законодательство и главный правовой документ страны — Конституцию — реальной силы. Поэтому постановка вопроса об изменении конституционного содержания Союза в СССР не является столь чрезвычайной. То же самое можно сказать и о Югославии, для которой Конституция 1974 года — 6-ая по счету.

Д. Интересы национальной бюрократии

Местная бюрократия со временем научилась прикрывать "внешней" лояльностью по отношению к центральной власти свои собственные амбиции. Трудно, однако, не согласиться с тем, что логической чертой деятельности бюрократии на любом уровне является стремление к максимально возможной независимости от вышестоящих структур, и, соответственно, к концентрации наибольшей власти в своих руках. Естественно, что ослабление контроля центра к выгоде местного аппарата. Данная логическая тенденция постоянно несет в себе потенциал независимости. Но как бы ни было мило нашему слуху слово "независимость", в данном случае независимость скорее означает усиление властных функ-

ций в руках местной бюрократии, чем содействие расширению поля независимости для каждого человека.

Здесь еще надо иметь в виду набор ценностных установок для представителей восточно-славянских и азиатских национальностей, отнюдь не отдающий приоритета личности в отношениях личность — государство. Впрочем, и бюрократия прибалтийских республик, воспитанная на большевистской идее служения человека государству (а не использованию государства для служения человеку), не отличается от своих "классовых соратников".

Кроме того, для республик, где у власти находились прежние силы, стремление местной бюрократии к самостоятельности республик в условиях ослабления властных функций центра было связано и с попыткой защититься от непредсказуемых сюжетов развития демократических процессов в политической жизни России.

Роль конфликта Горбачев-Ельцин

Однако ни одна потенциальная предпосылка для постановки вопроса о суверенитете не заработала бы, если бы не нашлось политического лидера, который поспешил бы использовать эти предпосылки в своих интересах. И учитывая общую атмосферу страха перед некогда монопольным центром, такая инициатива вряд ли могла исходить из малых республик. Вспомним робкие намеки прибалтийских государств на самостоятельность на первом этапе перестройки в 1985–1989 гг. и убедимся, что не будь "свежего ветра" из России, так и не наполнились бы паруса балтийских кораблей, устремившихся в независимые воды.

Таким лидером стал Ельцин. Но не сразу российский президент подошел к идее независимости России. Это был его очередной шаг в схватке с Горбачевым. Схватке, в которой Ельцин проиграл два первых раунда: раунд внутрипартийной борьбы, когда он был выведен с руководящих постов в партии, и раунд борьбы в союзном парламенте, когда главный оппонент Горбачева не сумел пробиться в Верховный Совет.

И здесь Ельцин использовал наиболее слабое место системы Горбачева — конституционное двоемыслие. Ельцин вопреки сути внутрисююзных отношений сыграл на их форме, взяв курс на

независимость России. Так возникла возможность появления в одной стране двух, а потом и более, президентов. Августовские события и последовавший в декабре 1991 года "ропуск" Союза подвели черту под этой борьбой и Ельцин в красивом, хотя и довольно жестком стиле выиграл последний раунд у Горбачева. Но выиграв, он сам уже оказался в той самой конституционной ловушке, из которой так и не вырвался Горбачев.

Именно с использования идеи суверенитета в борьбе против Горбачева берет начало процесс активного "суверенизационного движения" в СССР. И дальше уже Ельцину стало тяжело: надо было воевать на два фронта. Во-первых, решать проблемы отношений с бывшими союзными республиками, вступившими в младенческий период своей "независимости" и оттого больше склонных к политическим шараханиям и нерациональному поведению. Во-вторых, разбираться с аналогичными притязаниями автономных образований и просто отдельных регионов России.

Возражение

Можно предвидеть вполне обоснованные возражения типа того, что в республиках просыпается национальное самосознание, что люди требуют уважения своих национальных прав, что постановка вопроса о суверенитете отражает интересы и волю населения и т.п. Но, собственно, что значит само по себе "выявление воли масс"? Не есть ли это еще одна уловка, которой на протяжении десятилетий политические лидеры оправдывали свои деяния? Думается, что воля масс может быть выражена только в демократическом обществе, т.е. обществе финансово независимых от государства и образованных людей. Образованных – в данном случае способных к самостоятельной постановке вопросов о политической жизни или экономических проблемах, а не просто присоединяющихся к предлагаемой, а зачастую навязываемой схеме решения уже поставленной за них проблемы.

И ведь если в повседневной жизни люди не испытывают неудобств из-за принадлежности к определенной национальности, то их вряд ли непосредственно волнуют вопросы суверенитетов. Плохая жизнь, ограничения свобод, ущемление прав – это тот фон, на котором человеку может быть легко доказана мысль о необходимости поддержать идею суверенитета.

Концепции суверенитетов

Исходя из вышеизложенного, вернемся к отмеченной вначале особенности — отсутствию у большинства республик (за исключением, пожалуй, прибалтийских) достаточно разработанных концепций суверенитета. Парадоксальным это кажется, лишь если смотреть на процессы суверенизации как на целиком и полностью закономерные, логически вытекающие из длительного периода развития общественной жизни. Однако если согласиться с суждением о том, что суверенизация во многом есть результат политической борьбы, тогда отсутствие концепции суверенитетов не удивляет.

Поэтому о "концепциях", о различиях в подходах в основном приходится судить по практическим шагам республик либо по реакции их лидеров на те или иные события. При этом сопоставить такие концепции-подходы можно по ряду признаков: отношение к экономическим реформам, желание или нежелание участвовать в каких-либо новых образованиях на базе Союза, цели, ради которых осуществляется суверенитет и которые выражены во внутренней и внешней политике, формы отстаивания своего суверенитета.

Из общей палитры сразу же выделились прибалтийские республики, суверенитет которых в первую очередь был признан мировым сообществом. Эти республики выступали за полное отделение от Союза в политическом и экономическом плане еще задолго до августовского путча и добились определенных результатов в этом направлении. Прибалтийские государства изначально ставили задачу уйти от политического и экономического наследия большевизма и решить проблемы национального хозяйственного и политического возрождения. С точки зрения форм отстаивания суверенитета Прибалтика избрала последовательно политический путь борьбы и победила в ней. Другой вопрос, все ли результаты могут быть признаны безоговорочными с точки зрения прав человека или повышения жизненного уровня населения.

К прибалтийской "концепции полного суверенитета" постепенно приблизилась Грузия и Молдова, по мере того как режимы в них приобретали все более ярко выраженный националистический

характер. Но в отличие от прибалтийских республик, методы их политической борьбы носят менее цивилизованный, можно сказать, агрессивный характер. Для Грузии это относится прежде всего к периоду президентства Звиада Гашсаурдиа. Другое отличие — националистические настроения "затмевают" экономические мотивы, и более или менее детально разработанных программ экономических реформ, хотя бы в той степени, как в прибалтийских республиках, у них нет.

Остальные республики, подписавшие в октябре 1991 г. экономическое соглашение, вплоть до создания СНГ отстаивали идеи суверенитета, так сказать, с "изъятием", не желая резкого разрыва сложившихся экономических и прочих связей, отдавая отчет в том, какие отрицательные последствия может для них повлечь такой разрыв с Россией. Особенно сильны были подобные настроения в среднеазиатских республиках, Белоруссии. Эти республики просто использовали ситуацию после августа 1991 г. И, можно сказать, получили суверенитет "естественным путем".

Сохранить сложившиеся бюрократические связи, проведя частичные экономические реформы и заменив коммунистическую фразеологию на националистическую (в большей или меньшей степени) — такие задачи преобладали в указанных республиках. Не случайно именно здесь наиболее болезненно прореагировали на решение России в одиночку начать окончательный демонтаж ограниченно распределительной хозяйственной системы. Последующие события в Таджикистане, Азербайджане показали, что для таких опасений были реальные основания: здесь дальнейшая логика политической борьбы уже привела к смене власти.

Выделяется своей пассивностью белорусский вариант суверенитета. Похоже, что здесь он был провозглашен "по инерции", из нежелания местных властей выпасть из общей тенденции развала Союза, и местная бюрократия не сразу определила, что с ним делать.

Особняком в этой группе стоит концепция суверенитета Украины. Это наиболее крупная после России республика, на которую приходится 17% национального богатства, 18% населения. Ее особая роль определяется большим экономическим потенциалом и

особым геополитическим положением, "провоцирующим" вынашивание планов играть роль регионального лидера в Восточной Европе. Важно и то, что Украина одна из четырех "ядерных" республик бывшего СССР. Все это предопределило ее весьма амбициозное отношение к собственному суверенитету и все возрастающую строптивость в отношениях с Россией.

Заслуживает внимания последовательно неагрессивная достаточно прагматичная позиция Казахстана, который делает попытки избежать крайностей в проведении экономических реформ, присматриваясь, видимо и к китайскому опыту. Для России ситуация в Казахстане, по существу являющемся буфером между ней и остальными среднеазиатскими республиками и, шире, между ней и мусульманским миром, очень важна. Международная активность казахского президента говорит о его стремлении играть самостоятельную роль во внешней политике и возможно получить особый статус в Азии. (Не будем забывать и о наличии на территории Казахстана ядерного оружия, хотя он и подтвердил свое намерение к 1996 г. стать безъядерным государством).

Есть и еще одна разновидность "суверенитета с изъятием" — это армянский вариант. Тяжелое геополитическое положение республики в условиях локальной войны с Азербайджаном побудило местное руководство искать пути союза с центром. Особенно в условиях, когда Азербайджан намекал на отказ от такого Союза. Ереван, вероятно, не перестает рассчитывать на то, что удастся использовать давление России на Азербайджан к своей выгоде в непрекращающемся конфликте.

Значение договора о Союзе независимых государств

Произошедшее 21 декабря 1991 г. формальное оформление распада СССР и образование Союза независимых государств поставило точку в борьбе Ельцин-Горбачев, покончив с двоевластием в стране.

Создание СНГ закрепило идеи правопреемства Россией основных международных прав и обязательств СССР. Место в числе постоянных членов Совета безопасности ООН, единый контроль над ядерным оружием, подтверждение готовности следовать основным договорным обязательствам бывшего Союза — все это ста-

ло важным шагом на пути к прояснению для мирового сообщества ситуации в бывшем СССР.

Но сам факт создания СНГ вовсе не означал окончания центробежных процессов. По существу договор не дал ничего с точки зрения создания новой, экономической, интеграционной основы нового Союза. Последняя может быть установлена, как уже отмечалось, только в результате реальных преобразований в направлении рынка, господства частной собственности, развития демократического процесса. Не направлен СНГ и на воссоздание старой, административной основы Союза. Некоторые республики вошли в СНГ лишь в силу того, что они просто не могут уйти сразу, не решив вопросов разделения собственности, армии, утверждения границ и т.п. Все это делает длительное существование СНГ весьма проблематичным. Ситуацию мог бы изменить относительно быстрый перелом в экономической ситуации, который бы сделал экономику России более привлекательной для государств СНГ. Но этот вариант представляется в ближайшей перспективе не очень реальным.

Можно предположить, что процессы рыночных преобразований в силу различий в исторической традиции, в понимании модели отношений личности и государства пойдут совершенно неодинаковым темпом и в неодинаковых направлениях в России, славянских республиках и республиках мусульманских. А это лишает оснований надежды на повторение в лице СНГ варианта Европейского сообщества или даже СЭВ. Более того, в силу географических, геополитических и культурно-этнических факторов создание рынка или его подобия в новых республиках пойдет скорее при усилении взаимодействия и кооперации с соседями по региону, а в отношении России — со всем развитым цивилизованным миром. Уже сейчас, например, Узбекистан провозгласил турецкий пример в качестве "образца" для подражания. Интересы Украины и Белоруссии определены направлены на Европейское сообщество, а Молдавия обратилась к идее более тесного союза с Румынией с перспективой объединения в единое государство.

Исходя из этих соображений, можно предположить, что новое образование СНГ не будет эффективным союзом. Достигнув

главной цели — положить конец власти центра и Горбачева, но в то же время потеряв координирующий механизм, республики, в одиночку или при помощи более мелких региональных союзов (например, союз мусульманских государств и т.п.), будут стремиться к обретению своего лица в региональных и глобальных международных отношениях.

Ситуация в Российской Федерации

Как известно, стойкие сепаратистские подходы существуют и в рамках самой Российской Федерации, причем не только в автономиях. Существуют идеи независимости Сибири, Дальнего Востока, Приморья, Сахалинской области, создания Уральской республики, Енисейской республики и т.п. Здесь дают о себе знать и нелюбовь к бюрократическому центру, и политические амбиции местных властей, и надежда пережить экономический кризис в одиночку. Ведь стремятся обособиться в той или иной степени те территории, которые обладают какими-то преимуществами, природными ресурсами. В таких случаях популярны лозунги, что стрижет купоны с этих богатств центр, что местным жителям почти ничего не достается и что стоит только отделиться, как местное население богато заживет. Хотя очевидно, что это в большой степени иллюзия.

Думается все же, что внутри России процессы не пойдут по союзному сценарию, хотя Ельцин уже показал блестящий пример того, как уйти от власти центра. Чечня и Татарстан — скорее исключения. Но, на мой взгляд, независимость Татарстана и Чечни не имеет принципиального значения для судьбы России. Тем более, что провозгласив свою независимость, тот же Татарстан все равно остается в Российском окружении, связанным с Россией многочисленными нитями. К тому же в России нет такой большой автономии, играющей критическую роль, какой была Россия в рамках Союза.

Тем не менее не стоит идеализировать подписанный в марте 1992 г. Российский федеративный договор и считать, что он есть средство, спасшее Россию от развала. Сам по себе он не так уж много значит, поскольку субъектам, его подписавшим, ничего не стоит им в дальнейшем пренебречь.

К тому же подписанный договор не является, на мой взгляд, совершенным документом. Скажем, почему автономии, даже небольшие, имеют право на особое положение в плане отношений с центром, а, к примеру, Красноярский край, где население во много раз больше, должен быть в гораздо большей степени зависимым? Чтобы быть последовательными до конца, нужно и регионам дать больше самостоятельности. Несет ли в себе такое решение опасность развала? Это зависит от многих других обстоятельств, успехов экономических прежде всего, умной, прагматичной политики.

Сейчас с точки зрения дальнейшего деления страны наметилась некоторая стабилизация, что позволяет России сконцентрироваться на экономических вопросах и отношениях внутри СНГ. Успех будет зависеть от мастерства исполнителей. У любого правительства, наверное, будут изъяны. Но выход в том, чтобы каждая новая команда чувствовала дыхание своего конкурента.

Весна 1992: новый этап суверенизации

В настоящее время республики вышли из начального этапа процесса суверенизации, когда они больше напоминали "взбунтовавшихся" против патрона "меньших братьев", а главным в подходах и политике республик было отношение к идее единого союза, формам и темпам выхода из него, к идее нового межгосударственного образования в виде СНГ. На новом этапе процесс обретения независимости принимает характер осознания республиками себя в качестве независимых государств. Тем самым ключевые компоненты их политики смещаются в плоскость построения отношений с такими же независимыми государствами. Отношение к СНГ также меняется. И вопрос, нужен ли он, имеет не антисоюзную, антигорбачевскую направленность, как в конце 1991 года, а направленность иную: насколько новое образование способно обеспечить интересы республик.

Правящая элита республик бывшего СССР также все больше осознает себя не отколовшейся от контроля центра местной бюрократией, а руководителями независимых государств. Отсюда и разница в их поведении. Если раньше главным для элиты было

расширить сферу своих полномочий, выйдя из-под политической опеки Москвы, то теперь основная задача — сохранить свои правящие позиции в конкретном политическом окружении, в котором появляется новая угроза — от внутренней оппозиции.

Новый этап, с одной стороны, закрепил наметившиеся ранее особенности подходов отдельных республик, с другой, вскрыл новые черты их поведения, вытекающие из новых задач. Прибалтийские государства продолжили курс на полный отход от России. Стремление подчеркнуть эту полноту вызывает порой не очень оправданные, даже агрессивные, действия, как, например, давление на Москву в вопросах вывода войск бывшего СССР с территории стран Балтии. Или в экономической сфере, когда Прибалтика стремится к валютной независимости как символу полного разрыва с Москвой.

Украина и Молдова, следуя линии политики полного суверенитета, также обозначили свое отношение к СНГ и его новым формам, что выразилось и в неучастии этих стран в соглашении СНГ по вопросам Договора о коллективной безопасности. По сути этот договор стал новым вариантом СНГ, проведя дополнительную разграничительную черту между странами-участницами. Украина и Молдова, ужесточая курс по отношению к Москве, очевидно поставили себя вне всяких новых союзов.

Армения, видя в России "православного" единоверца, возлагает на стратегические связи с ней особую надежду в решении военных задач и укреплении авторитета нынешнего руководства. Ереван подписал Договор о коллективной безопасности и тем самым попытался "связать" Россию определенными обязательствами на случай, если с азербайджанской стороны будет дан адекватный ответ на армянские военные действия в Карабахе и Нахичевани.

Также продолжают рассматривать Россию как гаранта безопасности и лидеры среднеазиатских республик, активно участвовавшие в подписании договора. И все же здесь появились новые моменты. Но-первых, Туркмения, переходя на позиции полного суверенитета, не подписала договор и приняла ряд законов, направленных на дальнейшее размежевание с Россией. Возможно, важную роль в этом сыграл нефтяной фактор и преимущества, которые Туркмения успела получить за счет более активного, чем другие среднеазиатские республики, сотрудничества с регио-

нальными лидерами — Пакистаном, Ираном, Турцией. Возможность выйти в Персидский залив и, следовательно, на мировой рынок с богатыми запасами нефти и газа представилась туркменскому руководству более важной гарантией своей безопасности, чем партнерские отношения с далекой Москвой. Вероятно, эти расчеты небезосновательны.

Судьба остальных среднеазиатских республик будет зависеть от того, как будут строиться их отношения с Россией и, с другой стороны, от того, какую политику выберут по отношению к ним мусульманские государства Ближнего Востока. В случае, если на российском направлении провалы будут очевидны, а мусульманский фактор еще больше усилит свое воздействие, можно ожидать постепенной смены ориентации этих республик на Ближний Восток в рамках обретения полного суверенитета. Однако этот процесс оформится в очевидную тенденцию, вероятно, в случае ухода нынешней бюрократии, выросшей в коммунистической колыбели, и ее замены оппозицией, опирающейся на мусульманские силы, как это уже происходит в Таджикистане.

Появились нюансы и в политике Казахстана. Назарбаев в мае с.г. во время визита в США "разменял" свое обещание стать безъядерной державой и присоединиться к соглашению о нераспространении ядерного оружия на американские кредиты в нефтедобывающую промышленность — на выгодных для Казахстана условиях — и в целом на экономическую "благосклонность" Вашингтона. Союз же с Москвой необходим Казахстану как гарантия от возможных нападков на полумусульманский Казахстан со стороны мусульманского окружения. Азербайджан и Грузия видят большую опасность власти от внутривластной борьбы, резко обострившейся в последнее время, а Азербайджан и от агрессивных действий Армении. В этом плане их надежды на Россию не имеют большого смысла, что и проявляется в переходе этих стран на позиции полной суверенизации.

Заключение

Продолжающийся процесс осознания молодыми государствами своих интересов вполне закономерно сопровождается появлением, проявлением, или возможностью проявления агрессивности.

Ведь страны и их лидеры проходят этап самоутверждения, причем далеко не в самом благоприятном социально-экономическом и политическом окружении. Самоутверждение сопровождается пробуждением силы. А раз так, то ищутся различные возможности ее доказать. В политике же пока имеют вес две силы: экономическая и военная. За отсутствием первой объективно вторая начинает приобретать большую роль. Речь идет не только о конкретных военных действиях, но и об использовании фактора военной мощи для политического самоопределения.

Любое мышление на первых порах конфронтационно. Со временем люди учатся уступкам и компромиссам. И, наконец, превращают решение спорных вопросов в канал общения и способ сближения. То же самое и в политике.

Отношения России со странами СНГ имеют особое значение для развития в регионе. Пока, на мой взгляд, Россия действует без плана, без концепции. На то есть объективные причины — отсутствие ясности с экономическими субъектами — частного еще нет, государственный уже слаб — и субъективные, поскольку наши политики, увлеченные демократической фразой, не всегда способны этот интерес сформулировать. Очевидно, к примеру, что Договор о коллективной безопасности не цементирует СНГ, а, напротив, ложится дополнительной обузой на Москву, особенно в условиях, когда отношения между республиками однозначно принимают характер межгосударственных. Поэтому важно последовательно проводить линию на цивилизованные подходы к межгосударственным отношениям, не допускающие применение силы или угрозы ее применения.

Но одного цивилизованного подхода мало. Он должен дополняться четким осознанием своих геополитических интересов. Поэтому для России было бы разумно однозначно определить свой подход к бывшим республикам СССР как к самостоятельным государствам и на этой основе строить свои действия, избавившись от иллюзий "связывающих нас традиционных уз".